

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.5 + 81'27

DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига

М. Ю. Пупынина^{1,2}, Т. В. Корнев¹, Е. М. Будянская¹, Ю. Б. Коряков^{1,3}

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия

² Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

³ Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация

В данной работе на основе статистического исследования и социолингвистических интервью детально представлены основные направления расселения науканцев после закрытия их родного поселка в 1958 г. Анализ языковой ситуации в Наукане до 1958 г. показывает наличие предпосылок к переходу на русский, однако не дает оснований говорить о начавшемся языковом сдвиге. Таким образом, высокую степень раздробленности науканского сообщества, к которой привело закрытие Наукана, можно считать ключевым фактором, запустившим языковой сдвиг в науканском сообществе на русский язык.

Ключевые слова

науканский язык, языковой сдвиг, языковая политика, языковые идеологии, социолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (2023–2025 гг., руководитель – В. А. Плунгян). Мы выражаем сердечную признательность старейшине науканского сообщества Елизавете Алихановне Добриевой за внимание, которое она уделила нам и нашему проекту. Без многочасовых социолингвистических интервью о судьбе жителей Наукана после его закрытия написание этой статьи не было бы возможным. Благодарим Галину Иргуляновну Метулу, Ирину Васильевну Попову (Кейнон), Павла Михайловича Тулюна, Антонину Александровну Вербицкую, Бориса Альпыргина, Владимира Борисовича Меммыльнуна, Валентину Сергеевну Тагёк, Лидию Ивановну Воловик, Людмилу и Юрия Оноховых, Василия Алихановича Добриева, Раису Васильевну Райхлину, Надежду Тнаун за то, что они охотно работали с нами, с энтузиазмом делились своими воспоминаниями о Наукане, переезде и последующих событиях, о своих родителях и других старших родственниках. Мы искренне признательны Валентине Григорьевне Леоновой за вовлеченность в наш проект, поддержку и участие. За помощь в организации нашей работы, поиске жилья и радушный прием на Чукотке благодарим Геннадия Михайловича Зеленского, Станислава Михайловича Нутевентина, Веру Алексеевну Фаустову, Валентину Алексеевну Кареву. Отдельное спасибо Игорю Игоревичу Крупнику за предоставленную копию похозяйственной книги Наукана за 1953 г.

Для цитирования

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будянская Е. М., Коряков Ю. Б. Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 154–169. DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

© М. Ю. Пупынина, Т. В. Корнев, Е. М. Будянская, Ю. Б. Коряков, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54)

Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor of the language shift

М. Ю. Пупынина^{1,2}, Т. В. Корнев¹, Е. М. Будянская¹, Ю. Б. Коряков^{1,3}

¹ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper analyzes the principal resettlement trends of the Naukan people post-1958 village dissolution, employing statistical analysis and sociolinguistic interviews. A study of the linguistic conditions in Naukan between the early 20th century and 1958, alongside a detailed tracing of relocation pathways, indicates a clear link between the rapid decline of the Naukan language and the dissolution of the Naukan settlement. This shift is further substantiated by the subsequent dispersal of the community across multiple settlements within and beyond the Chukotka Autonomous Region. The first wave of resettlement, while consolidating at least half the Naukan population in the Chukchi village of Nunyamo, was followed by the dissolution of Nunyamo, which further fragmented the Naukan community, ultimately leaving them a distinct ethnic minority in settlements like Lavrentia, Uelen, Lorino, Anadyr, and many more. In the first half of the 20th century all Naukan people were native speakers of Naukan Yupik, with some villagers possessing certain levels of proficiency in Chukchi, Inupiaq, English and Russian due to the active contacts with neighbouring peoples. However, it was not until the dissolution of Naukan that the language shift from Naukan towards Russian began, as evidenced by the available data. This article posits that the dissolution, and the subsequent chaotic resettlement of the Naukan people, were the primary factors leading to a significant decline in Naukan speakers. A dramatic decline in active Naukan speakers is evident, with a current count not exceeding seventeen, compared to a minimum of two hundred and twenty-two in 1958.

Keywords

Naukan Yupik, language shift, language policy, language attitudes, sociolinguistics

Acknowledgements

The study was supported by the grant from the Russia Science Foundation (Project No. 23-18-00204 “Dynamics of the language situation in the communities of the Far North: diachronic documentation of the Naukan language” 2023–2025, under the direction of Plungian V. A.). Our deepest gratitude is extended to Elizaveta Alikhanovna Dobrieva, elder of the Naukan community, for her invaluable time and attention given to our endeavor. Interviews about the personal lives of the Naukan people were exceptionally important for this paper. We are grateful to Galina Irgulyanovna Metul, Irina Vasilyevna Popova (Keynon), Pavel Mikhaylovich Tulyun, Antonina Aleksandrovna Verbitskaya, Boris Al’pyrgin, Vladimir Borisovich Memy’neun, Valentina Sergeevna Tagyek, Lidiya Ivanovna Volovik, Lyudmila and Yuriy Onokhov, Vasilii Alikhanovich Dobrieva, Raisa Vasilyevna Raykhlina, Nadezhda Tnaun for their enthusiastic work with us, for their shared memories of Naukan, the resettlement, and the following events, about their parents and other elder relatives. We express our sincere gratitude to Valentina Grigoryevna Leonova for her significant contributions and unwavering support of our project. We extend our sincere thanks to Gennadiy Mikhaylovich Zelensky, Stanislav Mikhaylovich Nuteventin, Vera Alekseevna Faustova, and Valentina Alekseevna Kareva for their assistance with our work, accommodation in Chukotka, and their generous hospitality. We are especially grateful to Igor I. Krupnik for sharing a copy of the 1953 Naukan village household register.

For citation

Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B. Naukanskiy yazyk: rasselenie Naukana kak faktor yazykovogo sdviga [Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor of the language shift]. *Yazyki i Fol’klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 154–169. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-2-154-169

Введение

Науканский язык (< юпикские < эскимосские < эскимосско-алеутские) в первой половине XX в. был языком жителей поселка Наукан, который располагался на мысе Дежнёва (Чукотский район Чукотского автономного округа), крайней северо-восточной точке Евразии, в зоне межконтинентальных контактов. Многие науканцы владели также английским, чукотским, инуупиакским и русским языками. С его ликвидацией в 1958 г. носители науканского языка вынуждены были разъехаться по разным населенным пунктам Чукотского полуострова, находящимся

достаточно далеко от Наукана и друг от друга. На сегодняшний день все представители сообщества владеют русским, который для многих является первым языком, а науканским активно владеют 17 человек в возрасте от 64 до 90 лет. Данная статья посвящена детальному описанию миграций науканцев после закрытия поселка в контексте влияния раздробленности сообщества на скорость языкового сдвига.

В качестве материалов исследования используются работы, содержащие биографические свидетельства о жителях Наукана [Леонова 2014; Энмынкау 2016, 2024; Никифоров 2025]. Книга «Наукан и науканцы», составленная науканкой Валентиной Григорьевной Леоновой, содержит переработанные видеопосле интервью жителей поселка, которые были записаны в 1997 г. на науканском языке. Книги «Старики учили нас добру» и «Стойбище моего детства» написаны старейшиной науканского сообщества Ниной Сергеевной Энмынкау (наук. *Номехун*) по воспоминаниям о ее работе журналистом на окружном радио в Анадыре и материалам, которые были записаны в ходе этой работы. Книга Виктора Никифорова «Поговорим о Наукане» состоит из расшифровок видеопосле интервью жителей Наукана, записанных в 2004–2017 гг. на русском языке для фильма «Земли моей начало» (2017 г.). Кроме того, мы опираемся на данные 15 ретроспективных интервью с представителями науканского сообщества, проведенных авторами статьи в 2022–2024 гг. в с. Лаврентия, с. Уэлен, с. Лорино и г. Анадырь.

В рамках статистического исследования используются данные о жителях Наукана из похозяйственной книги Наукана 1953 г.¹ и по местным переписям 1956 г. [Шокарев 2016], а также результаты социолингвистических интервью со старейшиной науканского сообщества Елизаветой Алихановной Добриевой о направлении переездов практически каждого из жителей поселка.

1. Языковая ситуация в Наукане в первой половине XX в.

Культуры, ассоциируемые с эскимосами, были распространены в пределах Дежнёвского массива уже в нач. I тыс. н. э. [Ackerman 1984: 106–118; Flegentov et al. 2019: 238]. Ранние слои поселений Нунак и Наукан датируются XV в. [Халгинова, Днепровский 2021; Днепровский, Шокарев 2019]. В XVIII–XIX вв. известны шесть – восемь юпикских поселков в этом регионе, но к началу XX в. все жители этих селений постепенно переселились в Наукан, в результате чего науканский язык стал языком одного поселка [Пупынина, Коряков 2024: 48; Krupnik, Chlenov 2013: 34; Крупник, Членов 1979: 21; Членов, Крупник 1983]. В этот период он был основным языком, которым владели жители Наукана с детства. Иногда его выучивали после переселения в село: в основном это были женщины из других локаций, вышедшие замуж «в Наукан». Как правило, это были женщины из чукотских поселков с родным чукотским языком, и женщины с островов Диомиды², говорившие с детства на имакликском языке. Науканским языком как вторым владела значительная часть населения островов Диомиды, в основном мужчины, о чем свидетельствуют воспоминания информантов и литературные данные [Golovko 2019]. Также периферией существования науканского языка (в гораздо меньшей степени, чем острова Диомиды) можно считать соседнее с. Уэлен, где основным языком был чукотский, но некоторые люди могли говорить на науканском и понимать его.

И до, и после установления советской власти науканцы достаточно активно перемещались по окрестностям, летом на байдарках и пешком, зимой на собачьих упряжках. Социальные связи устанавливались через участие в праздниках, танцевальных и спортивных состязаниях, коллективной разделке гренландского кита: на такие мероприятия науканцы ездили в соседние сёла, или же соседи приезжали к ним. Заключались браки с жителями других приморских поселков, велись торговые обмены с оленными чукчами. Основными локациями, посещаемыми науканцами, были острова Диомиды в Беринговом проливе (многие науканцы бывали также

¹ Копия похозяйственной книги 1953 г. сделана в 1955 или 1956 г. А. В. Смоляк в Наукане. Копия, использованная при подготовке данной публикации, была снята с копии А. В. Смоляк в 1970-х гг. И. И. Крупником и любезно предоставлена им авторам статьи.

² В отличие от тесных связей с эскимосами, населяющими острова Диомиды, контакты науканцев с другими эскимосами азиатского побережья, чаплинцами и сиреникцами, носителями родственных чаплинского и сиреникского эскимосских языков, были гораздо менее интенсивными. Сёла чаплинцев находились далеко, на расстоянии двух сотен километров по береговой линии, общение было окказиональным, а браки заключались очень редко [Членов, Крупник 2016: 40–41, 49]. Про контакты науканцев с сиреникцами данных у нас нет.

в континентальной части Аляски), ближайшие поселки приморских чукчей и тундра около чукотского приморского села Нунямо, где каждый осенне-зимний период в условленном месте проходили обмены с оленными чукчами. С конца XIX в. началось американское присутствие на побережье Чукотского полуострова, и некоторые науканцы стали наниматься матросами на шхуны американских китобоев. Перемещения, связанные с посещениями русской администрации, обучением в русскоязычных учебных учреждениях и т. п. начались только в 1920-х гг., после установления советской власти.

Очевидно, что при такой достаточно высокой миграционной активности науканцам, носителям языка с крайне низким числом носителей (не более 500 человек в общей сложности), приходилось в достаточной степени знать другие языки, а именно чукотский, инуупиакский, английский и русский. О большей многоязычности у носителей миноритарных языков по сравнению с языками с большим числом носителей см., например, [Dobrushina, Moroz 2021]. Далее данный раздел строится по принципу попарного сравнения языков из индивидуальных многоязычных репертуаров жителей Наукана (науканский и другой язык, на котором говорили в поселении) с целью проанализировать, существовала ли в какой-то степени тенденция к языковому сдвигу с науканского на другой язык до расселения поселка в 1958 г.

1.1. Науканский и чукотский

Широко известно, что в целом население эскимосских поселков Чукотки было двуязычным, то есть многие их жители владели, помимо родного эскимосского языка, который они знали с детства, также чукотским языком [Крупник, Членов 1979: 26–27; Меновщиков 1986]. В то же время жители окружающих чукотско-говорящих сёл гораздо реже знали эскимосские языки. Некоторые из них говорили на науканском или хотя бы понимали языки своих эскимосских соседей по причине частых взаимных визитов и брачных отношений, но все же число таких билингвов было невелико. Чукотско-говорящие кочевники-оленеводы, с которыми приморские села вели торговлю, не знали науканского вовсе. Похожая ситуация сложилась и с чаплинско-чукотским двуязычием. Эта система сходна с другими системами эгалитарного многоязычия, в некоторых из которых языковые репертуары не сбалансированы (то есть носители одного языка выучивают язык соседей, а их соседи продолжают знать только один язык) из-за тех или иных внеязыковых различий (экономическая прибыльность традиционной культуры, численность и т. п.), см. [Packendorf et al. 2021: 848–849]. Действительно, многие авторы пишут об экономическом превосходстве оленных чукчей над приморскими охотниками, объясняя этим неравносность чукотско-эскимосского двуязычия, распространенного только в эскимосской среде [Крупник, Членов 1979: 26; Меновщиков 1986: 63, 75].

Согласно нашим интервью, а также данным, представленным в [Golovko 2019], практически все взрослые мужчины Наукана, ответственные за обмены с оленными чукчами, а изредка и другие группы населения владели в той или иной степени чукотским языком. Однако широкой, повсеместной распространенности чукотский язык в поселке не получил. Дети и молодые женщины, как правило, чукотского языка не знали ([Меновщиков 1986: 75; Golovko 2019], интервью 2022–2024 гг.). Известные нам исключения только подтверждают правило:

«Дед хорошо разговаривал по-чукотски, матери моей отец... Он старшую дочку мамы научил чукотскому языку, чтобы она понимала... Видимо, тяга была у нее к разным языкам, поэтому вот он выучил ее. Мама рассказывала: говорит, едет с Уэлена к моему деду нарта. Остолом остановил каюр, он чукча из Уэлена. А там много ребятни науканской стоят. Он спрашивает по-чукотски: покажите мне ярангу моего дедушки ... где находится. А дети не понимают, засмеялись и убежали. Осталась одна вот эта моя сестра старшая, она говорит, вон там находится. Показала».

(Галина Иргуляновна Метул, 1949 г. р., интервью 2024 г.)

Таким образом, владение чукотским языком среди науканцев было обусловлено экономической необходимостью и соседством. Несмотря на то, что им владели многие науканцы, предполагать языковой сдвиг в сторону чукотского до расселения Наукана в 1958 г. нет оснований.

1.2. Науканский и русский

До 1920-х гг. русский язык в науканском сообществе знали гораздо реже, чем английский [Golovko 2019: 411]. После установления советской власти появилось несколько социальных институтов, через которые русский язык стал проникать в науканское сообщество. В первую очередь это была науканская школа, также русские присутствовали на полярной метеостанции («Полярка») и погранзаставе. Кроме того, существовали изба-читальня и медпункт, где могли работать русские [Днепровский, Шокарев 2019]. В магазине и пекарне, также появившихся с установлением советской власти, работали, как правило, науканцы, а не русские. В образованный в конце 1920-х гг. туземный совет, а затем сельсовет входили, в основном, эскимосы, но были и русскоязычные депутаты из учителей и пограничников. Протоколы заседаний в 1940-х – 1950-х гг. велись на русском языке [Днепровский, Шокарев 2019: 6].

Историю науканской школы как важнейшего института внедрения русского языка мы рассмотрим подробнее. В 1925 г. была открыта школа с четырехлетним, а затем с семилетним обучением. Первые учителя были русскими, впоследствии появились и учителя-науканцы, отучившиеся в Анадырском педучилище и вернувшиеся домой.

Некоторые жители села отказывались отдавать детей в школу [Энмынкау 2024: 133]; существуют даже свидетельства некоего синкретического религиозного движения в Наукане, служители которого не рекомендовали отдавать детей в школу и пользоваться мылом [Schweitzer, Golovko 2007: 40].

Несмотря на это, преподавательский штат рос. В музейном центре «Наследие Чукотки» хранится фотография, на которой запечатлены, по-видимому в Наукане, шесть русских учителей науканской школы [Леонова 2014: 153]. По свидетельству науканцев, за редкими исключениями вплоть до самого закрытия поселка науканские дети до школы знали только науканский язык, а русский выучивали уже в школе.

«Когда в школу начали ходить, русский язык вообще не знали... Потихоньку начали буквы учить. Учитель Черешнев Алексей Алексеевич по-наукански быстрее нас стал говорить, чем мы по-русски».

(Светлана Вемруна (Вемруна), 1929 г. р. [Никифоров 2025: 34])

«В 1956 году мне было 6 лет еще, и я пошла в нулевой класс. Мы пошли в школу, совершенно не говоря по-русски, кроме “здрасьте” ничего не знали. До школы я дружила с мальчиком, сыном начальника заставы. Валера его звали. И вот мы с ним бегаем по тундре или зимой на санках катаемся... Все удивлялись, как вы друг друга понимаете? Я по-русски не умею разговаривать, он эскимосского языка не знает».

(Антонина Александровна Вербицкая, 1949 г. р. [Никифоров 2025: 53])

Многие русскоязычные учителя овладевали науканским и общались с детьми на нем. Некоторые говорили на науканском в совершенстве, кто-то только понимал, учителя и ученики «друг друга учили» [Леонова 2014: 71]. По-видимому, большинство детей после нескольких классов науканской школы в какой-то степени владели русским языком, хотя бы пассивно.

Одним из последних преподавателей школы был науканец Ёмрон. Дочь Ёмрона, Раиса Васильевна Райхлина, оба родителя которой неплохо говорили по-русски, вспоминает, что после окончания первого класса в 1957 г. она уже была знакома с русским языком и после переезда в Нунямо без проблем стала учиться в русскоязычной нунямской школе (интервью 2024 г.).

Среди взрослых владение русским языком также было неоднородным и было связано с обучением в школе и последующим получением образования вне Наукана и работой (как в случае учителя Ёмрона). Были отдельные случаи переездов в многонациональные населенные пункты и смешанных браков с приезжими, когда русский для науканцев становился одним из основных языков, использовавшихся в жизни. Так, например, мама А. А. Вербицкой Нарнынаун (наук. *Нарңынаун*) много бывала в разъездах, работая переводчицей «с чукотского и эскимосского на русский и наоборот» [Никифоров 2025: 51].

Родители Г. И. Метул, по ее воспоминаниям (записи 2023–2024 г.), русский знали плохо, по крайней мере, при ней на нем не разговаривали, хотя ее отец (1911 г. р.) закончил 4 класса

школы в Наукане и работал счетоводом в поселке. Но отец и дядя науканца Павла Михайловича Тулюона, по его воспоминаниям (запись 2023 г.), неплохо говорили по-русски. Отец работал в погранзоне на о. Большой Диомид (о. Ратманова), был переводчиком с науканского на русский и с «диомидского» (инупиакского эскимосского) на русский, был в звании младшего лейтенанта. Дядя Уйгак (наук. *Уйгак*) работал много лет «председателем поселка». Его дядя Тулюокак (наук. *Тулюокак*) также говорил по-русски, так как был участником войны на Дальнем Востоке.

В целом, по опубликованным воспоминаниям и нашим данным, можно сделать вывод, что для всех представителей старшего поколения до закрытия Наукана науканский оставался основным языком общения, а русским, за некоторыми исключениями, они владели не свободно или совсем мало, используя его в ограниченных ситуациях.

Итак, на момент расселения поселка именно связь с такими социальными институтами, как школа или административные и военные (пограничные) ведомства, могла быть причиной того, что взрослые науканцы (как правило, мужчины) знали русский язык. Среди женщин и детей русский язык большого распространения не имел, лишь немногие дети могли говорить на языке, в основном знание русского детям не пригождалось и было пассивным. Однако в конце 1940-х гг. некоторых детей в науканских семьях уже называли по-русски.

Таким образом, несмотря на то, что русское влияние в поселке уже начинало набирать обороты, языковой сдвиг как таковой в Наукане до 1958 г. еще не начал происходить, хотя «почва» для него была уже подготовлена.

1.3. Науканский и инупиакский

Жители островов Большой Диомид (о. Ратманова) и Малый Диомид (о. Крузенштерна) до 1948 г. говорили на инупиакском эскимосском языке, имеющем достаточно отдаленное родство с науканским. Большой Диомид принадлежал российской стороне, а Малый – США. Между науканцами и жителями островов Диомиды существовали древние брачные и дружеские связи [Крупник 1994; Членов, Крупник 2016: 41], было распространено науканско-инупиакское двуязычие [Крупник, Членов 1979: 25]. В Наукане всегда можно было найти эмигрантов с островов Диомиды, говоривших на своем языке, а на островах Диомиды – людей, переехавших из Наукана и владеющих науканским; в какой-то степени языками родителей могли владеть также и их прямые потомки. В литературе отмечается восточная направленность популяционного дрефта, то есть миграции на рубеже XIX–XX вв. чаще шли в направлении Наукан → Большой Диомид → Малый Диомид → полуостров Сьюард [Крупник 1994: 63, 66–69]. Из этого паттерна следует, что на Большой и Малый Диомиды должно было попадать больше носителей науканского, чем носителей инупиакского (как первого языка) в Наукан. Это косвенно подтверждается высказанным устно предположением Л. Каплана, проводившего в 1980-х гг. полевую работу на Малом Диомиде: на острове знали науканский лучше, чем имакликский в Наукане [Golovko 2019: 404]. Однако ретроспективные интервью, проведенные в 1990-х гг. Е. В. Головки и П. Швайтцером на Малом Диомиде и среди науканцев, создают впечатление сбалансированного билингвизма, одинакового и с той, и с другой стороны [Golovko 2019: 404–405]. Возможно, такая ситуация возникла за счет большого количества носителей инупиакского как второго языка в Наукане.

В среднем, как и в случае чукотско-науканского билингвизма, чаще владели инупиакским науканские мужчины, причем владение инупиакским в Наукане отмечается реже, чем владение чукотским [Golovko 2019: 403]. Некоторые интервью 1990-х гг. свидетельствуют о том, что жители островов Диомиды и науканцы находили свои языки похожими, взаимопонятными. При общении было возможно использовать свои языки и понимать друг друга. По их мнению, при общении науканец и диомидец могли говорить на своих языках и понимать друг друга [Golovko 2019: 406–407]. Учитывая, что языки относятся к разным ветвям эскимосско-алеутской семьи, такое общение вряд ли возможно без тесных контактов.

Наличие инупиакского «языкового фона» в Наукане косвенно подтверждается не только частым присутствием гостей и переселенцами с островов Диомиды, но и обычаем исполнять инупиакские песни и танцы ([Науканские напевы 2020: 5; Науканские напевы 2021: 44], интервью 2022 г.).

В отличие от науканско-чукотского двуязычия, науканско-инупиакское двуязычие было, по-видимому, симметричным, то есть науканский знали на островах Диомиды примерно в такой же степени, в какой инупиакским владели в Наукане, что отражало характер брачных связей

и культурную и экономическую общность носителей этих эскимосских языков. Тенденций в сторону языкового сдвига с науканского на инуупиакский в начале XX в. не фиксируется.

Интересно отметить, что некоторые исследователи говорят о возможном языковом сдвиге с инуупиакского на науканский на о. Большой Диомид. Его причиной мог стать популяционный дрейфт в сторону востока, упомянутый выше в этом разделе. Начиная с 1880 г. и особенно активно в 1915–1920 и 1920–1932 гг. шел процесс переселения эскимосов – носителей языка инуупиак с Большого на Малый Диомид, в то время как опустевший Имаклик (наук. *Имақлық*), последний эскимосский поселок на Большом Диомиде, пополнялся эмигрантами из Наукана [Krupnik 1994: 67]. Согласно тому же источнику, инуупиакский язык к 1930-м гг. был замещен «юпиком», то есть науканским языком [Krupnik 1994: 63]. С ним полемизирует Е. В. Головкин, утверждая, что большой наплыв науканского населения не обязательно означал языковой сдвиг [Golovko 2019: 408]. Добавим со своей стороны, что переселение вряд ли могло вызвать языковой сдвиг так скоро, однако могло сместить баланс в сторону большего распространения науканско-инуупиакского двуязычия. В Наукане и на Большом Диомиде инуупиакским и науканским соответственно владела небольшая группа населения, а основная часть, в особенности женщины и дети, в лучшем случае могли только воспринимать его на слух. Переселения науканцев на Большой Диомид осуществлялось через брачные и родственные связи, то есть науканцы женились на женщинах с Большого Диомиды и переезжали к ним, восполняя недостаток охотников [Krupnik 1994: 70; Энмынкау 2016: 62]. Эти мужчины, скорее всего, владели двумя языками и могли говорить со своими женами по-инуупиакски, однако благодаря усилившимся связям с Науканом практика владения двумя языками могла выйти за пределы мужского сообщества и стать повседневной практикой большинства. Однако четкую картину языковой ситуации на этом острове реконструировать, к сожалению, не представляется возможным. В 1948 г. все оставшееся население Большого Диомиды было переселено в Наукан в связи с усилением пограничного режима между СССР и США, что стало последним «вливанием» инуупиакского компонента в науканское языковое сообщество.

Наконец, упомянем, что, в отличие от связей науканского и инуупиакского языков, не слишком близких генетически, языковые контакты между науканским и близкородственным чаплинским языком по причине слабых контактов между этими группами были не очень сильны. По крайней мере в к. XIX – н. XX вв. чаплинско-науканское двуязычие не было распространено [Пупынина, Коряков 2024].

1.4. Науканский и английский

Летовки американских китобоев и установление американских торговых факторий на евразийских берегах Берингова пролива стали причиной проникновения английского языка на территорию проживания чукчей и азиатских эскимосов [Крупник, Членов 1979: 26–27; Yartzutkina 2014]. Английские заимствования появились как в науканском и чаплинском, так и в чукотском языках. О знании английского, по крайней мере в форме морского жаргона, распространенного на китобойных судах, свидетельствуют описание приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера установки памятника С. И. Дежнёву в 1910 г. [Унтербергер 1912: 287]³ и интервью 1990-х гг. [Golovko 2019: 413–414], однако в наших данных упоминания о владении английским предками науканцев очень редки, хотя и присутствуют. Отдельные английские слова, вероятно, могли слышать и понимать многие науканцы, однако владели языком, как и в случае с чукотским и инуупиакским, в основном мужчины, в особенности те, кто нанимался работать на шхуны китобоев и (или) вел торговлю с американцами. Интересно, что науканцы и имакликцы продолжали общаться друг с другом на эскимосских языках и не переходили на английский жаргон, которым также владели. Пришедшие на смену китобойному промыслу и развившиеся к началу XX в. тесные торговые связи с Аляской, породившие распространение английского языка, были пресечены с приходом советской власти в 1920-х гг. По этой причине науканцы, владевшие английским языком, в 1940-х – 1950-х гг. уже вряд ли могли им воспользоваться. Таким образом, к закрытию Наукана использование английского языка среди его жителей сокращалось.

³ Там же дается краткое описание Наукана, в котором упоминается обилие американских вещей в ярангах науканцев [Унтербергер 1912: 287].

2. Расселение Наукана

2.1. Подготовка, ход и результаты расселения Наукана

О переселении жителей Наукана существует обширная литература: как сборники воспоминаний [Леонова 2014; Энмынкау 2016; Энмынкау 2024; Никифоров 2025], так и работы исследователей [Krupnik, Chlenov 2013; Днепровский 2016; Членов, Крупник 2016]. Закрытие Наукана было связано, в том числе, с общей политикой укрупнения поселков в 1930–1950-х гг. и осложнением отношений с США [Krupnik, Chlenov 2013: 268–271].

Первоначально планировалось переселить людей в с. Дежнёво, где предполагалось предварительно построить благоустроенные деревянные дома. Там же располагалось поселение чукотско-говорящих морзверобоев Кэничкун. Об этом селе до сих пор, согласно нашим интервью, сохранилась память в Уэлене, куда было переселено чукотское население с. Дежнёво (Кэничкуна) в 1950-х гг. (об этом переселении см. [Krupnik, Chlenov 2013: 273]). До сих пор охота на морского зверя в районе Кэничкуна считается уэленцами особенно удачной. Дежнёво располагалось менее чем в 10 км от Наукана, и переезд туда не казался особенно драматичным, поэтому многие науканцы начали понемногу соглашаться с идеей переезда. Однако переезд в запланированное место так и не состоялся, новые дома не были построены, а материалы для них не были завезены. Вместо этого людей неожиданно для них переселили в чукотское село Нунямо, с жителями которого, в отличие от, например, чукотско-говорящих жителей с. Уэлен, у науканцев не было дружественных и семейных связей (см. раздел 1.1). Контакты с чукчами-оленеводами, о которых также упоминалось в разделе 1.1, проходили в стороне от села и не приводили к установлению связей с приморскими жителями.

Науканцы вспоминают неподготовленность села к приему новопоселенцев: новые дома для них не были достроены, материалов не хватало. В одной комнате часто жило несколько семей, спали на полу. Когда завезли материалы, строить приходилось своими руками.

«Переселили всех в чукотское село Нунямо. Однажды сестра моя приехала ко мне в Лаврентия, смотрю, руки чем-то изъедены. “Что случилось с руками?” – спрашиваю. Оказывается, в Нунямо жильё пришлось строить самим переселенцам. Они штукатурили, и изъезд изъела ей руки. Не знали наши люди, как уберечься, знали бы – перчатки надели бы».

(Светлана Вемруна (Вемруна), 1929 г. р. [Леонова 2014: 73])

«Когда мы переехали в Нунямо, там для нас не оказалось никакого жилья, нас поселили в одном домике с несколькими семьями... Мы разместились на кухне. Иногда у нас из еды был всего один хлеб...»

(Алла Ральнито (Экэлян), 1945 г. р. [Леонова 2014: 129])

«А Нунямо после нашего села – это болото, настоящее болото! ... Поселили нас в недостроенные дома. В коридоре были положены только балки, на которых не было досок, а на кухне засыпано шлаком. В комнате только более-менее были постелены полы. Нас заселяли по несколько семей в одну комнату с кухней без коридора и без крыши. Вот так. Моя матушка всё-таки не зря поехала, она всё умела делать. И печку поставила, и крышу стелила, и стены красила, и окна ремонтировала. И коридор доделывала. Все всё сами доделывали».

(Антонина Александровна Вербицкая, 1949 г. р. [Никифоров 2025: 55])

Помимо Нунямо, науканцы переселялись в с. Уэлен, расположенное гораздо ближе к Наукану, а также в Пинакуль и в районный центр Лаврентия. Такой рассеянный характер переселений, видимо, не был заранее запланирован властями. У многих науканцев имелись родственники и знакомые в этих локациях, и, по-видимому, переезд туда проходил менее драматично. В 1967 г. несколько науканцев из Пинакуля предприняли попытку официально восстановить науканскую общину на базе общины Пинакуля. Власти отреагировали на эту попытку обвинениями в национализме. В результате два науканских старейшины в Пинакуле покончили жизнь самоубийством, а Тасян Теин, талантливый этнограф и социолог науканского происхождения, был сослан на поселение на о. Врангеля [Krupnik, Chlenov 2013: 276].

Драматичность переселения «науканского типа», то есть рассеянного, нелокализованного, для местного населения имеет подтверждение в психотерапевтической практике. Так,

Ф. Б. Берёзин (д. м. н., ММА им. Сеченова), работавший на Чукотке в 1970-х гг. и приглашавшийся для консультаций специалистами Магаданской психиатрической больницы, пишет в своих воспоминаниях ⁴ о более 10 случаях госпитализаций науканцев в состоянии, которое он называет «Науканское ПТСР». Причем госпитализации начались почти одновременно через много лет после закрытия Наукана. По-видимому, часть из них можно связать с повторным переселением науканцев после закрытия Нунямо ⁵.

Интересно, что такие случаи были зафиксированы именно среди науканских эскимосов, хотя практически одновременно с переселением Наукана было подготовлено и осуществлено переселение другого эскимосского поселка – Чаплино (чапл. *Уңазиқ*), где проживали носители чаплинского эскимосского языка. Но в отличие от Наукана, Чаплино перенесли на новое, до этого не заселенное место, а не укомплектовали чаплинцами существующий чукотский поселок, как это произошло с науканцами в Нунямо. Новое Чаплино располагалось не очень далеко от старого. Кроме того, чаплинцы не подверглись повторному переселению, и Новое Чаплино до сих пор остается поселком с компактным проживанием носителей чаплинского эскимосского языка.

К сожалению, переселением в Нунямо и другие поселки переезды науканцев не закончились. Пинакуль и Нунямо также подвергались укрупнению и ликвидации в 1969 и 1977 гг. соответственно [Chichlo 1981: 38; цит. по: Krupnik, Chlenov 2013: 276], и науканцы должны были переселяться оттуда уже своими силами и совершенно не централизованно в Уэлен, Лаврентия, Анадырь и другие населенные пункты.

Таким образом, переселение не было узко локализовано, и науканское языковое сообщество оказалось разделенным по нескольким населенным пунктам, из которых в дальнейшем они также вынуждены были переезжать. В следующем разделе будут приведены подробные количественные данные об этих переселениях.

2.2. Направления расселения: статистическое исследование

Для восстановления хронологии расселения Наукана и более точного подсчета основных направлений миграции жителей поселка было проведено статистическое исследование, основной целью которого была детализация ранее описанных данных о расселении Наукана (см. раздел 2.1). В качестве материалов для исследования был взят список жителей Наукана из похозяйственной книги 1953 г., а также перечень движимого и недвижимого имущества по Науканскому сельскому совету 1956 г. [Шокарев 2016] – переработанный список жителей составил 210 чел.

На основе этого списка была проведена серия из 10 социолингвистических интервью с носительницей науканского языка и старейшиной науканского сообщества Елизаветой Алихановной Добриевой для уточнения списка жителей и мест переездов каждого из науканцев по списку. В ходе этих интервью список жителей Наукана был дополнен до 222 чел., родившихся в Наукане и доживших до переезда. В список не были включены их дети, которые родились после 1958 г., то есть после закрытия Наукана. Однако в список вошли люди, которые переехали из Наукана самостоятельно незадолго до закрытия, так как эта информация дополняет картину расселения науканского сообщества. Всего это 30 чел. (11 чел. переселились в Лаврентия, по 3 – в Анадырь, Провидения и Лорино, 2 – в Пинакуль, еще по 1 в Марково, Уэлькаль и Дежнёво).

Можно предположить, что постепенное расселение Наукана началось раньше 1958 г., так как по данным [Членов, Крупник 1983] количество жителей в поселке составляло порядка 320–350 чел. на протяжении первой половины XX в. без заметных колебаний. Свидетельства Н. Гондатти 1895 г. также указывают на сходные цифры в 299 жителей [Гондатти 1897]. Косвенно ранние переезды подтверждаются данными о количестве хозяйств в 1952 и 1956 гг., которое сократилось примерно на 20 хозяйств: в 1952 г. указано 64 хозяйства, охваченных налогом «самообложения» (и 3 освобожденные от этого сбора семьи) [Шокарев 2019], а по переписи 1956 г. указано уже только 44 хозяйства [Шокарев 2016].

Согласно нашим интервью с Е. А. Добриевой, после закрытия Наукана в 1958 г. 140 человек переехало в Нунямо, 14 – в Пинакуль, по 4 – в Лаврентия и Провидения, по 1 – в Анадырь, Сириники и Лорино. Точная дата переезда еще 30 чел. неизвестна, однако в какой-то момент

⁴ <https://berezin-fb.su>

⁵ Воспоминания именно об этих случаях доступны на официальном сайте Ф. Б. Берёзина по ссылке: <https://berezin-fb.su/wordpress/page/2/?s=Наукан&x=0&y=0> (дата обращения: 28.04.2025).

незадолго до или сразу после закрытия Наукана они переехали в Пинакуль (13 чел.), Уэлен (7), Анадырь (4), Лаврентия (3), Провидения, Инчоун и Лорино (по одному).

Таким образом, примерно половина науканцев после закрытия переехала в чукотское село Нунямо, которое впоследствии закрыли в 1977 г., 32 чел. умерли в Нунямо, а еще 19 переехали из Нунямо до закрытия села (6 – в Уэлен, 5 – в Сиреники, 4 – в Лорино, по 3 – в Пинакуль и Лаврентия, по одному – в Нешкан и Анадырь). После закрытия Нунямо основным направлением переезда стал райцентр Лаврентия (27 чел.), еще по 3 чел. переехали в Лорино и Уэлен. Среди тех, чья дата переезда неизвестна (незадолго до или сразу после закрытия Нунямо), большинство переехали в Лаврентия (16 чел.), другие направления включают в себя Уэлен (8), Анадырь (7), Лорино и Пинакуль (по 4 чел.), Инчоун (1). Судьба еще 8 человек после их переезда в Нунямо неизвестна. Представленные количественные данные проиллюстрированы на картах 1–2 и рис. 1–2 (см. с. 164).

Точный подсчет несколько осложняется тем, что многие из науканцев учились (и, соответственно, временно жили) в Лаврентия в школьные годы (как до, так и после закрытия Наукана), потом в Анадыре (в Анадырском педучилище), кто-то уезжал учиться или работать в Магадан или другие города России. В рамках подсчета мы не учитывали учебу в школе и училище как полноценный переезд, как и некоторые временные переезды по работе (например, в Пинакуль на Мечигменскую морзверобойную станцию), несмотря на то, что они могли длиться по несколько лет. Тем не менее даже такие цифры с учетом некоторой доли условности дают хорошее представление о том, насколько фрагментированным оказалось науканское сообщество после закрытия родного поселка. Примечателен и тот факт, что Нунямо не было «типичным» направлением миграции науканцев: до закрытия Наукана, согласно списку, туда никто не переезжал.

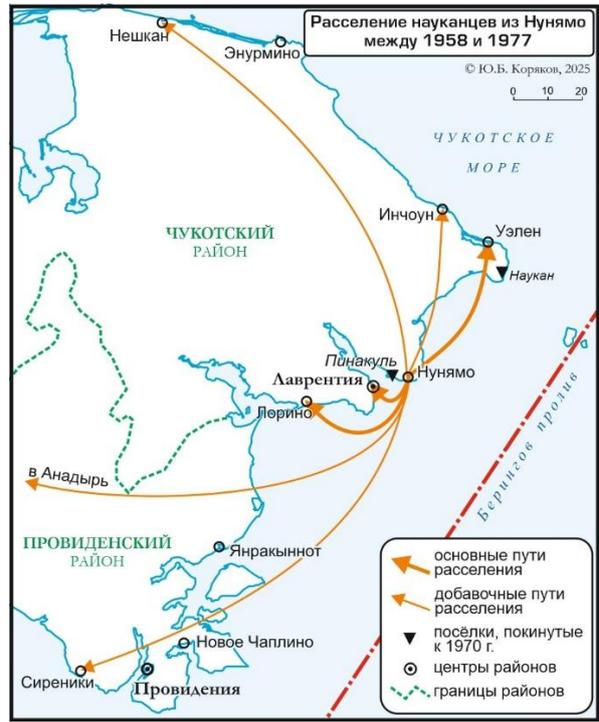
Таким образом, небольшая группа науканских эскимосов оказалась разделена по нескольким далеким друг от друга поселкам. Об этом можно также судить по цифрам, приводимым в [Гурвич 1973: 5] по итогам экспедиции 1972 г., относительно количества эскимосов в различных населенных пунктах Чукотского района: с. Лаврентия – 90 чел., Нунямо – 81 чел., Уэлен – 67 чел., Лорино – 43 чел. и Нешкан – 11 чел. С определенной осторожностью можно считать, что это количество именно науканцев, поскольку активной миграции чаплинцев в Чукотский район не зафиксировано. В работе [Крупник, Членов 1979: 27] приводятся другие цифры по итогам полевых исследований 1971–1977 гг. уже после закрытия Нунямо и Пинакуля, однако общее соотношение остается похожим: Лаврентия – 200 чел., Уэлен – 100 чел., Лорино – 50 чел. и Анадырь – 40 чел., Провидения, Сиреники и Нешкан – по 15–20 чел., Инчоун, Энурмино и другие – отдельные люди.

Сравнивая цифры, приведенные в [Гурвич 1973: 5] и [Крупник, Членов 1979: 27] с нашими данными (см. табл. 1 на с. 165), можно заметить: несмотря на то, что основные локализации концентрации представителей науканского сообщества после закрытия Нунямо пересекаются (наиболее крупные группы в Лаврентия, Уэлене и Лорино), порядок цифр значительно меньше в анализируемой нами выборке. Такая разница объяснима как исходными данными (в нашем списке значатся только те, кто родился в Наукане до 1958 г., тогда как в данные 1970-х гг. попало следующее поколение), так и методом подсчета, опирающимся на этническую самоидентификацию. Важно отметить, что итоговая выборка в 222 человека, которые прошли через закрытие Наукана, сопоставима с данными Государственного архива Чукотского автономного округа от 1956 г. (229 человек, проживающих в Наукане, из которых 201 – эскимосы) [Днепровский 2016: 28] с учетом того, что в нее включены 30 человек, которые переехали из Наукана до его закрытия.

Наиболее противоречивыми кажутся данные о переехавших в Уэлен: согласно [Гурвич 1973: 5] и [Крупник, Членов 1979: 27], в поселке была крупная науканская диаспора, которая едва ли образовалась в одночасье, с учетом того, что Уэлен с начала XX в. и до начала 1940-х гг. был районным центром – в исследуемой выборке, однако, не было выявлено подтвержденных переездов в Уэлен после закрытия Наукана (есть только 7 человек, дата переезда которых доподлинно неизвестна). Кроме того, в представленные выше данные не включены некоторые маргинальные маршруты миграции науканцев в Уэлен. Примерами таких маршрутов являются переезды из Пинакуля: из 28 чел., переехавших туда около 1958 г., 12 чел. переехали в Уэлен, 2 чел. – в Лаврентия, по одному в Инчоун и Нунямо (судьба трех человек неизвестна, 8 чел. умерло в Пинакуле).

Карта 1. Расселение науканцев из Наукана в 1958 г. и незадолго до этого.
 Map 1. Resettlement of the Naukan people from the village of Naukan in 1958 and shortly before that.

Карта 2. Расселение науканцев из с. Нунымо между 1958 и 1977 гг.
 Map 2. Resettlement of the Naukan people from the village of Nunyamo between 1958 and 1977.

Науканцы, переехавшие после закрытия посёлка в 1958 г. или незадолго до этого

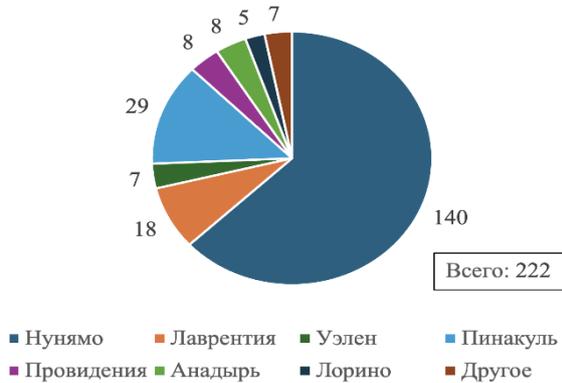

Рис. 1. Жители Наукана, переехавшие после закрытия посёлка в 1958 г. и незадолго до этого.
 Fig. 1. Naukan residents that moved after the disbandment of the village of Naukan in 1958 and shortly before that.

Науканцы, переехавшие из с. Нунымо после его закрытия в 1977 г. или незадолго до этого

Рис. 2. Жители Наукана, переехавшие из с. Нунымо после его закрытия в 1977 г. и незадолго до этого.
 Fig. 2. Former Naukan residents that moved after the disbandment of the village of Nunyamo in 1977 and shortly before that.

Таблица 1
Table 1

Сводная численность науканцев по поселкам после 1958 г.
Overall summary of the number of Naukan people after 1958 by settlement

Населенные пункты	Всего переселилось родившихся в Наукане		Всего науканцев		Всего эскимосов ⁶	
	из Наукана около 1958 г.	из Нунямо в 1958–1977 гг.	Гурвич 1973	Крупник, Членов 1979	ВПН 2010	ВПН 2021
Нунямо	140	–	81	–	–	–
Пинакуль	28	5	–	–	–	–
Лаврентия	18	46	90	200	208	196
Анадырь	8	8		40	203*	199*
Лорино	5	14	43	50	59	57
Уэлен	7	17	67	100	62	58
Инчоун	1	1		отд. люди	10	0
Нешкан		1	11	15–20	7	2
Сиреники	1	5		15–20	221*	156*
Провидения	8			15–20	195*	220*
Другое	5	11				
Всего	222	108	292	435–450	346**	313**

* Данные цифры учитывают всех эскимосов, а не только науканцев.

** Данные суммы не включают цифры, отмеченные звездочкой.

Заключение

Данные проведенного статистического исследования наглядно показывают, насколько раздробленным оказалось науканское сообщество после закрытия Наукана. И если в ходе первого переселения около половины науканцев были перевезены в чукотское с. Нунямо, где сохранили компактное проживание, то последующее закрытие Нунямо привело к дополнительной децентрализованной череде переездов в разных направлениях. Таким образом, науканцы оказались этническим меньшинством в разных населенных пунктах, а сферы использования науканского языка сократились до минимума. Из изначальной итоговой выборки в 222 человека все владели науканским языком как первым и основным, некоторые также владели другими языками региона. При этом даже дети, учившиеся в школе, редко владели русским языком или другими языками свободно (см. раздел 1). На сегодняшний день, по нашим данным, науканским языком свободно владеют 17 человек, все они владеют помимо этого русским языком и пользуются им как основным.

Языковой сдвиг в Наукане до 1958 г. еще не начался или находился в самой начальной стадии. Расселение Наукана в 1958 г. и последующую сегментацию науканского сообщества мы рассматриваем как ключевой фактор, повлиявший на ускорение языкового сдвига к русскому языку.

⁶ Данные приведены по материалам онлайн-проекта Ю. Б. Корякова: База данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России». Материалы переписей 2002, 2010, 2021 доступны по ссылке: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (дата обращения: 08.05.2025).

Существуют и другие факторы, повлиявшие на такое стремительное течение языкового сдвига, прежде всего – изначально малая численность группы говорящих. Подробный анализ этих причин, включающий описание динамики языкового сдвига с 1958 по 2025 гг., будет приведен в следующей статье, где будут детально рассмотрены последствия расселения для современного науканского языкового сообщества (статья планируется к публикации в журнале «Языки и фольклор коренных народов Сибири» в 2026 г.).

Список сокращений

наук. – науканский; чапл. – чаплинский

Список литературы

Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А. «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М.: Наука, 1982. 176 с.

Гондатти Н. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Т. III (Вып. 1). Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 166–178.

Гурвич И. С. Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов // Советская этнография. 1973. № 5. С. 3–15.

Днепровский К. А. Наукан: современное состояние уникального памятника истории и культуры Чукотки // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 22–37.

Днепровский К. А., Шокарев С. Ю. Легендарный эскимосский поселок Наукан в составе номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Журнал Института Наследия. 2019. № 2 (17). С. 1–11.

Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Меновицков Г. А. Эскимосско-чукотский билингвизм и интерференция чукотской периферийной лексики в чукотский язык // Палеоазиатские языки: сб. науч. тр. / Отв. ред. П. Я. Скорик. Л.: Наука, 1986. С. 63–76.

Наукан и науканцы: Рассказы науканских эскимосов / Сост. В. Г. Леонова. Владивосток: ОАО «ИПК Дальпресс», 2014. 212 с.

Науканский напевы. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2020. 124 с.

Науканский напевы. Уэлен. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2021. 124 с.

Поговорим о Наукане. Воспоминания науканских эскимосов / Сост. В. Никифоров. Лаврентия, 2025. 160 с. (самиздат)

Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б. Ареал распространения науканского языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58.

Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. Очерк // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. 13 / Под ред. В. В. Морачевского. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 497 с.

Халгинова Н. Б., Днепровский К. А. Каменные яранги Наукана [электронный ресурс]. URL: <https://www.ks87.ru/nauka-i-turizm/165/13124> (дата обращения: 08.05.2025).

Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983. С. 129–139.

Членов М. А., Крупник И. И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 38–73.

Шокарев С. Ю. Переписи Наукана в 1956 г. Приложение // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 200–203.

Шокарев С. Ю. Легендарный Наукан. Советское время [электронный ресурс]. URL: <https://goarctic.ru/news/legendarnyy-naukan-sovetskoe-vremya/> (дата обращения: 30.04.2025).

Энмынкау Н. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 256 с.

Энмынкау Н. Стойбище моего детства. Сборник очерков, интервью, репортажей. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 263 с.

Ackerman R. Prehistory of the Asian Eskimo zone // *Handbook of North American Indians*. Vol. 5, the Arctic. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1984. Pp. 106–118.

Chichlo B. Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie // *Études/Inuit/Studies*. 1981. Vol. 5. No. 2. Pp. 29–47.

Chlenov M. The «Uelenski Language» and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula // *Alaska Journal of Anthropology*. 2006. Vol. 4. No. 1–2. Pp. 74–91.

Dobrushina N., Moroz G. The speakers of minority languages are more multilingual // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25 (4). Pp. 921–938.

Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P. et al. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America // *Nature*. 2019. 570. Pp. 236–240.

Golovko E. V. Language and Identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 391–424.

Krupnik I. 'Siberians' in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880–1940 // *Études/Inuit/Studies*. 1994. Vol. 18. No. 2. Pp. 49–80.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013. 392 p.

Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism // *International Journal of Bilingualism*. 2021. Vol. 25 (4). Pp. 835–859.

Schweitzer P., Golovko E. The «priests» of East Cape: A religious movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s // *Études/Inuit/Studies*. 2007. Vol. 31. No. 1–2. Pp. 39–58.

Yarzutkina A. A. American traders in the settlements of chukotka native inhabitants // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014. Special issue. Pp. 361–381.

References

Ackerman R. Prehistory of the Asian Eskimo zone. In *Handbook of North American Indians*, vol. 5, the Arctic. Washington D.C., Smithsonian Institution, 1984, pp. 106–118.

Arutyunov S. A., Krupnik I. I., Chlenov M. A. "Kitovaya alleya." *Drevnosti ostrovov proлива Senyavina* [The whale alley. The antiquities of the Senyavin strait islands]. Moscow, Nauka, 1982, 176 p. (In Russian)

Chichlo B. Les Nevuqaghmiit ou la fin d'une ethnie. *Études/Inuit/Studies*. 1981, vol. 5, no. 2, pp. 29–47.

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Dinamika areala aziatskikh eskimosov v 18–19 vv. [The Dynamics of the Asian Eskimo areal in 18th–19th]. In *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos). Sbornik nauchnykh trudov* [Areal research in linguistics and ethnography (language and ethnicity). The collection of scientific works]. Leningrad, Nauka, 1983, pp. 129–139. (In Russian)

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Naukan: glavy k istorii [Naukan: Chapters to the History]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 38–73. (In Russian)

Chlenov M. The "Uelenski Language" and its Position Among Native Languages of the Chukchi Peninsula. *Alaska Journal of Anthropology*. 2006, vol. 4, no. 1–2, pp. 74–91.

Dneprovskiy K. A. Naukan: sovremennoe sostoyanie unikal'nogo pamyatnika istorii i kul'tury Chukotki [Naukan: the current state of a unique historical and cultural monument of Chukotka]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 22–37. (In Russian)

Dneprovskiy K. A., Shokarev S. Yu. Legendarnyy eskimoskiy poselok Naukan v sostave nominatsii v Spisok vseмирного naslediya YuNESKO [Legendary Eskimo village of Naukan included

- in UNESCO World Heritage List nomination]. *Zhurnal Instituta Naslediya* [*The Heritage Institute Journal*]. 2019, no. 2 (17), pp. 1–11. (In Russian)
- Dobrushina N., Moroz G. The speakers of minority languages are more multilingual. *International Journal of Bilingualism*. 2021, vol. 25 (4), pp. 921–938.
- Enmynkau N. *Stariki vseгда uchili nas dobru* [*The Elders has Always Taught Us Kindness*]. Izhevsk, “Print-2”, 2016, 256 p. (In Russian, Naukan, and Chaplino Yupik)
- Enmynkau N. *Stoybishche moego detstva. Sbornik ocherkov, interv'yū, reportazhey* [*The Camp of My Childhood. The collection essays, interviews and broadcasts*]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024, 263 p. (In Russian)
- Flegontov P., Altınışık N. E., Changmai P. et al. Palaeo-Eskimo genetic ancestry and the peopling of Chukotka and North America. *Nature*. 2019, 570, pp. 236–240.
- Golovko E. V. Language and Identities in the Bering strait area in the first half of the 20th century. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, vol. 15, iss. 3, pp. 391–424.
- Gondatti N. Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugi [Population of the Anadyr district]. In *Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [*Notes of the Russian Imperial geographical society*]. Khabarovsk, Tip. pri kantselyarii priamurskogo general-gubernatora, 1897, vol. 3, iss. 1, pp. 166–178. (In Russian)
- Gurvich I. S. Etnokul'turnoe razvitie beregovykh chukchey i aziatskikh eskimosov [Ethnocultural development of the coastal Chukchi and Asian Eskimos]. *Sovetskaya Etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1973, no. 5, pp. 3–15. (In Russian)
- Khalginova N., Dneprovskiy K. *Kamennye yarangi Naukana* [*Stone Yarangas of Naukan*] (electronic resource). URL: <https://www.ks87.ru/nauka-i-turizm/165/13124> (accessed 09.05.2025). (In Russian)
- Krupnik I. ‘Siberians’ in Alaska: Siberian Eskimo Contribution to the Alaskan Population Recoveries, 1880–1940. *Études/Inuit/Studies*. 1994, vol. 18, no. 2, pp. 49–80.
- Krupnik I. I., Chlenov M. A. Dinamika etnolingvisticheskoy situatsii u aziatskikh eskimosov (konets 19 v. – 1970-e gg.) [The dynamics of the ethnolinguistic situation among Asian Eskimo (the end of 19th century – 1970)]. *Sovetskaya Etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1979, no. 2, pp. 19–29. (In Russian)
- Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.
- Menovshchikov G. A. Eskimossko-chukotskiy bilingvizm i interferentsiya chukotskoy periferiynoy leksiki v chukotskiy yazyk [Eskimo-chukchi bilingualism and the interference of the Chukchi peripheral vocabulary into the Chukchi language]. In *Paleoaziatskie yazyki* [*Paleo-Siberian languages*]. Leningrad, Nauka, 1986, pp. 63–76. (In Russian)
- Naukan i naukantisy: Rasskazy naukanskih eskimosov* [*The Village of Naukan and the Naukan people: the Naukan Eskimo stories*]. Vladivostok, “IPK Dal’press,” 2014, 212 p. (In Russian)
- Naukanskiy napevy. Sbornik pesen i tantsev* [*Naukan Melodies. The collection of songs and dances*]. Moscow, PressPass, 2020, 124 p. (In Russian)
- Naukanskiy napevy. Uelen. Sbornik pesen i tantsev* [*Naukan Melodies. Uelen. The collection of songs and dances*]. Moscow, PressPass, 2021, 124 p. (In Russian)
- Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism*. 2021, vol. 25 (4), pp. 835–859.
- Pogovorim o Naukane. Vospominaniya naukanskih eskimosov* [*Let’s talk about Naukan. The memories of the Naukan Eskimo*]. Lavrentiya, 2025, 160 p. (samizdat) (In Russian)
- Pupynina M. Yu., Koryakov Yu. B. Areal rasprostraneniya naukanskogo yazyka: geografiya mnogoyazychiya i dinamika kontaktov [Distribution Area of the Naukan Language: Geography of Multilingualism and Dynamics of Contacts]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literaturny i yazyka* [*The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*]. 2024, vol. 83, no. 1, pp. 45–58. (In Russian)
- Schweitzer P., Golovko E. The “priests” of East Cape: A religious movement on the Chukchi Peninsula during the 1920s and 1930s. *Études/Inuit/Studies*. 2007, vol. 31, no. 1–2, pp. 39–58.
- Shokarev S. Yu. *Legendarnyy Naukan. Sovetskoe vremya* [*The Legendary Naukan. Soviet Times*]. (electronic resource) URL: <https://goarctic.ru/news/legendarnyy-naukan-sovetskoe-vremya/> (accessed 30.04.2025). (In Russian)

Shokarev S. Yu. Perepisi Naukana v 1956 g. Prilozhenie [1956 Naukan Census. Appendix]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 200–203. (In Russian)

Unterberger P. F. Priamurskiy kray. 1906–1910 gg. Ocherk [Priamur Krai. 1906–1910. An essay]. In *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki* [Notes of the Russian Imperial Geographical Society: statistical department]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma, 1912, vol. 13, pp. 1–497. (In Russian)

Yarzutkina A. A. American traders in the settlements of chukotka native inhabitants. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014, special issue, pp. 361–381.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
03.05.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Мария Юрьевна Пупынина – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Maria Yu. Pupyнина – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

pupyнина@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9314-4553>

Тимофей Валерьевич Корнев – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Timofey V. Kornev – Junior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

t.kornev@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9342-4752>

Елена Михайловна Будянская – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Elena M. Budyanskaya — Junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

budyanskaya.lena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6306-6280>

Юрий Борисович Коряков – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия), старший научный сотрудник, Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

Yuri B. Koryakov – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

ybkoryakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3962-3312>